

Левые оппоненты большевиков и революционные празднования 1918 г.

Константин Годунов

Opponents to Bolsheviks from the left and revolutionary festivals of 1918
Konstantin Godunov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, and European University in Saint Petersburg)

История советских праздников вызывала и вызывает пристальный интерес у историков, культурологов и искусствоведов, изучающих различные аспекты темы – от творческих поисков представителей российского авангарда¹ до воздействия на праздники формирующихся политических институтов². Многие работы объединяет внимание авторов к планам организаторов торжеств и творчеству деятелей культуры, воплощающих в жизнь эти планы и собственные художественные проекты. Показательно, что исследователь, декларирующий необходимость отхода от тоталитаристского подхода и анализа советских праздников в контексте глубоких социокультурных трансформаций, а не только как проектов политической и культурной элиты, называет свою книгу «Большевистские праздники»³. Вопрос о том, как воспринимали и как использовали праздники различные социальные и политические группы, не принимавшие непосредственного участия в их организации, остается практически неисследованным⁴.

Праздники были важнейшей частью революционной субкультуры, получившей государственный статус в 1917 г.⁵ Левые оппоненты большевиков – эсеры, анархисты, левые эсеры – должны были выработать своё отношение к торжествам, организуемым после октября 1917 г., и, в частности, крупнейшим политическим акциям эпохи Гражданской войны – 1 Мая 1918 г. и первой годовщине Октября. В центре данной статьи – два взаимосвязанных вопроса: как

© 2016 г. К.В. Годунов

Статья подготовлена при поддержке Германского исторического института в Москве.

¹ Интерес к художественным аспектам истории праздников характерен прежде всего для советских авторов: Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. М., 1971; *Немиро О.В.* В город пришёл праздник: Из истории художественного оформления советских массовых празднов. Л., 1973.

² *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008. С. 522–566.

³ *Geldern J., von.* Bolshevik Festivals. Berkeley, 1993. P. 6.

⁴ Одно из немногих исключений – работа, в которой рассматривается проблема восприятия новых праздников жителями многонационального региона: *Малышева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.

⁵ Показательно, что события февраля 1917 г. воспринимались многими современниками как праздник, в частности, как Пасха: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры 1917 года. СПб., 2012. С. 36–57.

социалисты и анархисты заявляли о себе во время раннесоветских праздников и как большевики использовали важнейшие памятные даты 1918 г. – 1 Мая и 7 Ноября – для борьбы со своими оппонентами. Эти вопросы не рассматривались ранее ни исследователями советских праздников, ни историками политических партий. Вместе с тем исследование данной проблемы позволяет задуматься о том, как политико-культурные символы используются различными акторами для лоббирования политических проектов, выявить важные особенности взаимоотношений формирующейся советской элиты и оппозиции в рассматриваемый период.

Одной из основных целей празднования 1 Мая – первого крупного праздника советской эпохи – была демонстрация военной силы, имеющейся в распоряжении сторонников революции. Особое значение она приобретала в Петрограде, находящемся под угрозой наступления германских войск. На заседании Петербургского комитета РКП(б) 16 апреля 1918 г. было принято решение «отпраздновать 1 мая грандиозной вооружённой демонстрацией, с участием рабочих и Крестьянской Красной Армии»⁶. Значение подобной демонстрации было подчёркнуто на заседании партийных организаций районов, состоявшемся на следующий день: «1 мая празднуется первый раз после Октябрьской революции, и важно показать, какими силами располагает победивший пролетариат»⁷.

Оппоненты большевиков не могли не реагировать на подобную тактику. Корреспондент печатного органа ЦК и Петроградского комитета РСДРП, излагая позицию организаторов готовящихся торжеств («демонстрироваться будет победа пролетариата, завоевавшего власть... поэтому массовая демонстрация уже неуместна») противопоставлял ей точку зрения меньшевиков: «Нет никаких оснований для такого торжества... Первое мая должно быть по-прежнему днём демонстрации рабочего класса, борющегося за свои пролетарские и демократические требования... в этот день должна быть представлена свобода манифестаций рабочего класса»⁸. Ещё более резко подобная позиция была выражена в издании правых меньшевиков⁹: «Советская власть, та самая, которая устами Зиновьева заявляет, что на Петербург надвигается голод, что хлеба осталось на один день, что Петербургу грозит оккупация, – эта самая власть готовит на 1 Мая пышное торжество, казённый парад, грандиозную майскую танцульку»¹⁰.

Представители Московского комитета группы «Единство» призывали не участвовать в праздничных торжествах, объясняя такую позицию тем, что большевики извратили смысл праздника: «Большевистское правительство сделало вольный день социалистического пролетариата казённым показным торжеством, предназначенным для того, чтобы пышной церемонией скрасить

⁶ Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2013. С. 93.

⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб), ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 9.

⁸ В Выборгском районном совете // Новый луч. 1918. 27 апреля.

⁹ Эта группа отрицала возможность союза с большевиками, резко негативно оценивая итоги октябрьских событий 1917 г., см.: *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм. Прозрения российской социал-демократии. М., 2012. О противоречиях внутри партии меньшевиков см. также: *Ненароков А.П., Павлов Д.Б., Розенберг У.* В условиях официальной и полуофициальной легальности. Январь–декабрь 1918 г. Документально-исторический очерк // *Меньшевики в 1918 году*. С. 19–57.

¹⁰ *Ст. Ив.* Перед 1 мая // Новый день. 1918. 28 апр.

убогую наготу и страдания народа»¹¹. Архангельские меньшевики отмечали в своей листовке, что 1 Мая празднуется «согласно приказу сверху... как какой-то национальный всеобщий праздник». В условиях Гражданской войны, «в сгустившейся тьме» большевизируемый праздник, по мнению составителей листовки, должен был «обольстить рабочих своими крикливыми лозунгами, двойными порциями хлебного пайка и театральными, маскарадными комедиями»¹². По мнению членов ПК меньшевистской партии, большевики придали празднику «недостойный, балаганный характер казённого торжества». В связи с этим было принято решение «призвать рабочих, отказавшись от участия в большевистской демонстрации, отпраздновать 1 мая устройством митингов, а там, где возможно, и самостоятельных демонстраций под собственными лозунгами»¹³.

Корреспондент эсеровской¹⁴ газеты «Дело народа» описывал ситуацию в стране следующим образом: «Тот день, когда льётся на всех фронтах кровь рабочих всего мира, тот день, когда уже заперта финляндская граница и германо-финляндские отряды железным кольцом охватывают сердце и мозг России – Петроград, они (большевики. – *К.Г.*) объявляют праздник, они празднуют». В таких условиях петроградский пролетариат должен был, по мнению корреспондента, «отшвырнуть от себя с негодованием эту жалкую попытку купить его казёнными торжествами, масленичными маскарадами на Страстной неделе, отказаться от всякого празднования в этот день международного единения и принять все меры к тому, чтобы под знамёнами, на которых будут стоять старые пролетарские и демократические лозунги, продемонстрировать свою волю, свою силу, свою веру в окончательное торжество дела социализма»¹⁵. Подобное отношение к готовящимся торжествам было зафиксировано и в постановлении ЦК эсеровской партии: празднование должно было проводиться «отдельно от коммунистов-большевиков и левых соц.-рев.», которые «лишили праздник 1 Мая его классового характера и превратили этот день в праздник государственный»¹⁶.

Характеристика праздника, которую дал Совет московской Федерации анархистских групп, становилась характеристикой политического режима в целом: «Празднование 1 Мая в настоящем году в России имеет явно государственный характер, является казённым, принудительным праздником, организуемым по приказанию свыше, по повелению власти, которая хочет превратить этот праздник борьбы за освобождение трудящегося в день ликования в честь своей временной победы»¹⁷. Если меньшевики и эсеры заявляли об отказе от участия в официальных церемониях, то анархистский Совет объявил празднику бойкот. Это решение пояснял корреспондент газеты «Анархия»: «Теперь не

¹¹ ГА РФ, ф. 9550, оп. 9, д. 143.

¹² Там же, д. 54.

¹³ Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 400.

¹⁴ В рассматриваемый период эсеры считали основной целью подготовку к новому созыву Учредительного собрания, при этом прекращался бойкот Советов, велась борьба за перевыборы в них. Агитационная работа в таких условиях рассматривалась как важнейшая задача партии: *Ерофеев Н.Д.* Социалисты-революционеры во время и после Октябрьской 1917 г. революции // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 г. С. 14–15.

¹⁵ *Донской Д.* Хлеба и зрелищ (К демонстрации Первого мая) // Дело народа. 1918. 28 апреля.

¹⁶ Постановление Ц.К. п. с-р. // Там же.

¹⁷ К товарищам анархистам и сочувствующим // Анархия. 1918. 30 апреля.

время для праздников, для торжеств. Сейчас время для борьбы и неустанной работы»¹⁸. Показательно, что схожую позицию Д.В. Философов изложил на страницах кадетской газеты «Наш век»: «Не надо быть православным, не надо быть даже верующим»¹⁹, чтобы понять, что в дни безмерных страданий России, её задушения, оплевания и распятия – всякие торжества, а тем более казённые – неуместны»²⁰.

Таким образом, разногласия между большевиками и их оппонентами по поводу уместности и значения торжеств возникли уже на этапе подготовки праздника. Большевики должны были выработать своё отношение к позиции своих противников. Московский совет просто запретил участие левых партий с альтернативными лозунгами в официальной демонстрации²¹. На собрании представителей петроградских районов 17 апреля вопрос об отношении к левым партиям обсуждался в контексте проблемы безопасности во время праздника. Секретарь районного комитета Выборгской стороны Е.Н. Егорова заявила: «В Питере нет сейчас сил, могущих использовать во вред демонстрацию. Конфликта между анархистами и Советской властью не существует»²². Более жесткую позицию занял Г.Е. Зиновьев. На предпраздничном заседании Петроградского совета он иронически поддержал решение меньшевиков и эсеров о бойкоте официальной демонстрации («мы им за это отвесим глубокий поклон и будем рады-радехоньки») и предупредил оппонентов: «По городу сегодня усиленно циркулируют слухи, что открытые и скрытые контрреволюционеры делают попытки омрачить пролетарский праздник, вызвать во время шествий панику, побоище и стрельбу. И если они это действительно сделают, то мы сумеем поступить с ними без малейшей пощады»²³.

Заявление главы Петроградского Совета стало предметом рассмотрения Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда²⁴. На заседании 24 апреля были высказаны мнения о том, что организация шествия, отдельного от большевистского – ошибочное решение: «Сделать из 1-го Мая кровавую бойню, показать буржуазии свою слабость и разъединённость – это большая ошибка», «надо устроить так, чтобы не было кровопускания – идти с нашими знамёнами, но в их толпе и выступать на их митингах. Это даёт нам возможность широко развернуть агитацию»²⁵. В итоге от идеи проведения альтернативной демонстрации противники большевиков отказались.

¹⁸ Гордин Б. Первое мая // Анархия. 1918. 30 апреля.

¹⁹ Празднование 1 Мая совпало с днями Страстной седмицы, и представители Православной церкви призывали не участвовать в праздничных торжествах в самую строгую неделю Великого поста: *Вениамин (Казанский), митр.* Архипастырское воззвание к духовенству, членам приходских советов и ко всем православным христианам // Петроградский Церковно-епархальный вестник. 1918. 24 апреля.

²⁰ Философов Д. Смутный праздник // Наш век. 1918. 27 апреля.

²¹ К Первомайскому празднику // Вперёд. 1918. 27 апреля.

²² ЦГАИПД СПб, ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 9.

²³ В Петроградском Совете // Новый луч. 1918. 1 мая.

²⁴ Исследователь меньшевизма считает это собрание «результатом слияния двух сил – стихийного протеста части пролетариата против политики советской власти... с одной стороны, и агитации меньшевиков и правых эсеров, направлявших этот протест в русло сознательного антибольшевистского политического движения – с другой»: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 480.

²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб), ф. Р-3390, оп. 1, д. 13, л. 100.

Но после окончания праздника печатные издания социалистов дали торжествам свою оценку. Корреспондент эсеровской газеты противопоставлял 1 мая 1918 г. тому же дню 1917 г., когда, по его словам, «гордоплыли... красные стяги, алые знамёна в воздухе, пронизанном солнечными лучами и напоённом бурной радостью». Во время же большевистского праздника «нет больше места радостным настроениям в рабочих массах... Петроградский пролетариат, так жестоко расплатившийся за порыв доверия к большевистским посулам, сердцем понял, что 1 мая 1918 года – это омрачённый праздник, кощунственный, святотатственный, осквернённый казённой большевистской ложью и непристойным паясничаньем». По мнению лидера петроградской группы правых меньшевиков А.Н. Потресова, большевики извратили смысл главного праздника социалистов, организуемые ими торжества представляли собой «его отрицание. Насмешку над ним. Кощунство»²⁶.

Особую позицию по отношению к торжествам заняли левые эсеры, после заключения Брестского мира вышедшие из состава СНК, но сохранившие позиции во ВЦИК²⁷. Процесс огосударствления 1 Мая, которое стало официальным праздником, левые эсеры, в отличие от иных социалистических партий, поддержали: «То, что сейчас трудовые массы Российской Советской Республики могут объявить рабочий праздник Первое Мая государственным праздником, является в высшей степени знаменательным событием... Не на задворках фабрик и заводов, не в потайных рощах и лесах, не в замкнутых нелегальных квартирах, а на широких площадях и улицах, отныне народных столиц и городов, по деревням и полям Российского Народного Государства, может в настоящем году вестись проповедь братства народов и общности интересов трудящихся масс всего мира»²⁸. В отличие от корреспондентов эсеровских газет, писавших о «казённом» характере первомайских торжеств, левые эсеры подчёркивали их массовость: «В столицах кипела жизнь, на улицахлюдно, на площадях – давка»²⁹.

В листовке Московского комитета партии левых социалистов-революционеров 1 Мая описывалось как время усиления борьбы с врагами революции, которых олицетворяет «германский империализм». Идея защиты мировой революции в критический момент её развития, подготовка к «последней схватке труда и капитала»³⁰ стала главной идеей листовки. Эта же идея стала основной в речи, произнесённой на праздничном митинге на Красной площади И.З. Штейнбергом. По данным корреспондента меньшевистского издания, влиятельный левый эсер использовал праздник для напоминания о политической проблеме, являвшейся предметом разногласий партии с большевиками: «В качестве оппозиции его величества [Штейнберг] позволил сделать прозрачный намёк на холопов германского империализма, находящихся в Москве»³¹.

Критика организации празднования 1 Мая 1918 г., первой крупной политической акции, организованной большевиками, вероятно, беспокоила пред-

²⁶ После 1 мая // Дело народа. 1918. 3 мая.

²⁷ О важной роли, которую сыграли представители этой партии в становлении советской системы см.: Андреев М.А. Деятельность партии левых социалистов-революционеров в Наркомпросе РСФСР // Российская история. 2010. № 4. С. 3–7. Особое значение имела их деятельность на территории Северной Коммуны: Рабинович А. Указ. соч. С. 419–461.

²⁸ 1 мая – государственный праздник // Знамя труда. 1918. 1 мая.

²⁹ Праздник трудящихся // Там же. 3 мая.

³⁰ ГА РФ, ф. 9550, оп. 9, д. 405.

³¹ В Москве // Вперёд. 1918. 25 апреля.

ставителей правящей партии. В праздничных выпусках центральных газет вышел целый ряд ответных статей с критикой социалистов³². Редактор газеты «Беднота» Л.С. Сосновский, в частности, писал о «поповско-меньшевистском блоке»³³, призывавшем к бойкоту праздника, и идея о единой позиции врагов революции относительно празднования 1 Мая стала ключевой в описаниях позиции социалистов и анархистов.

В ряде городов праздник стал временем столкновений. Так, в Омске представители партии эсеров, шедшие в колонне отдельно от большевиков и использовавшие антибольшевистские лозунги, подверглись атаке Красной гвардии: «Обнажились шашки, засверкали штыки, защёлкали винтовочные затворы, заработали приклады над безоружными рабочими, не желавшими отдать на поругание наёмников и служителей нагайки своих красных знамён — знамён социализма, Интернационала и партии с.-р., освящённых кровью великих борцов за свободу»³⁴. В Нижнем Новгороде митинг меньшевиков был сорван латышскими стрелками³⁵.

История празднования первой годовщины Октября отражает конфликты осени 1918 г. При рассмотрении особенностей этого праздника в сопоставлении с Первомайскими торжествами необходимо учитывать, что за прошедшие с 1 мая по 7 ноября месяцы ситуация в Советской России существенно изменилась: к лету гражданская война охватила всю страну, распался блок большевиков и левых эсеров, подходил к концу важнейший этап мировой войны.

Образ Октября, актуализируемый в момент подготовки к празднику, интерпретировался в соответствии с интересами различных политических групп. Праздник использовался большевиками для дискредитации политических оппонентов. В ходе заседания Московского Совета, где обсуждались последние приготовления к торжествам, П.Г. Смидович, отвечавший за их организацию в Москве, вспоминал о событиях 25 октября и упомянул о позиции «соглашателей», стремившихся помешать победе революции в Москве³⁶. На торжественном заседании Петроградского Совета Г.Е. Зиновьев говорил о меньшевиках, которые «упрашивали нас прекратить пальбу по Зимнему дворцу», и о позднейших дискуссиях о Брестском мире с левыми эсерами — «агентами буржуазии»³⁷.

При этом память об Октябре пытались использовать не только представители правящей партии. В праздничной листовке левых эсеров говорилось о том, что большевики отошли от изначальных принципов и идеалов революции. Авторы применяли метафору двух Октябрей: «В дни годовщины великого Октября большевики, если бы захотели остаться политически честными, должны были бы вместо старых лозунгов выкинуть новые, соответствующие их новым делам. Вместо лозунгов старого красного Октября 1917 г. лозунги большевистского казённого Октября 1918 г.»³⁸. Для описания значения праздника

³² Е.Я. Трогательное единение // Известия. 1918. 1 мая (статья, вероятно, написана Е.М. Ярославским); Сосновский Л. Их траур // Правда. 1918. 1 мая; Обзор печати. Единый фронт против 1 мая // Правда. 1918. 1 мая.

³³ Сосновский Л. Их траур // Правда. 1918. 1 мая.

³⁴ ГА РФ, ф. 9550, оп. 9, д. 307.

³⁵ Штерин С. Нижний Новгород // Новая заря. 1918. № 2.

³⁶ ЦГАМО, ф. 66, оп. 13, д. 32, л. 13.

³⁷ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 2, д. 16, л. 4, 7.

³⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 459, оп. 1, д. 12, л. 2.

эсеры использовали антибуржуазную риторику³⁹: «Да здравствует великий праздник победы трудящихся над буржуазией». Большевики в этом контексте описывались как «капитуляторы», чья политика приближает победу буржуазии.

Составители листовки описывали эмоции, которые необходимо было переживать празднующим: «Радость и гнев должны испытывать вы, рабочие и крестьяне России, в эти Октябрьские дни. Великую радость по поводу первой годовщины первой победы труда над капиталом, годовщины Октябрьского переворота, впервые в истории человечества поднявшего красное знамя международной социалистической революции и передавшего трудящимся России власть, землю, фабрики и заводы – великую радость по поводу первых революционных ударов пролетариата Австрии, Германии, Болгарии, встающего ныне на собственные ноги для спасения себя и других». Но не менее сильным должен был быть, по мнению авторов листовки, «великий гнев на партию Октябрьского переворота, партию большевиков, быстро изменившую его славным заветам и, прикрываясь именем рабоче-крестьянской власти, растлившую душу русской социалистической революции и растоптавшую её великие лозунги». Память о революции использовалась левыми эсерами против большевиков. Силой, «единственно оставшейся верной заветам Октября», составители листовки представляли партию левых эсеров, которая описывалась как «партия подлинного революционного социализма»⁴⁰.

Меньшевики в период празднований первой годовщины Октября описывали большевиков как антидемократическую партию. VI Съезд советов, приуроченный к 7 ноября, сравнивался корреспондентом газеты Союза печатников с дореволюционной системой власти: «Это нечто худшее, чем заседания покойницы третьеиюньской Думы»⁴¹.

Критике подвергались и художественные акции, инициированные большевиками. О памятниках, открываемых в столице в период празднований Октября, корреспондент газеты «Вечер Москвы» писал: «Наспех сооруженные, жалкие, дешёвенькие, нехудожественные, они символизируют все вообще творчество нового режима: лишь бы произвести побольше шума, огорошить, произвести впечатление ширококестовыми мероприятиями». Характеризуя организацию праздника, автор заметки критиковал политику большевиков в целом: «Ведь такую же лихорадочную поспешность, такую же непродуманность мы видим и в законодательном творчестве, и в экономической политике, и в области социально-политических мероприятий»⁴².

Вместе с тем описания политического курса большевиков некоторыми представителями эсеров и меньшевиков имели свои оттенки и нюансы. Автор одной из статей писал: «Как ни относиться к политике советской власти, надо признать для объективной оценки событий, что германская революция чрезвычайно укрепляет положение московского правительства и создает неожиданно благоприятные условия для его работы»⁴³. После революционных событий в

³⁹ О значении антибуржуазного сознания, объединявшего представителей различных политических сил, см.: *Колоницкий Б.И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // Отечественная история. 1994. №1. С. 17–27.

⁴⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 459, оп. 1, д. 12, л. 1–2.

⁴¹ Великий покойник // Утро Москвы. 1918. 11 ноября.

⁴² Числом поболее // Вечер Москвы. 1918. 10 ноября.

⁴³ Россия и германская революция // Утро Москвы. 1918. 11 ноября.

Германии, подробно описываемых в праздничных выпусках советских газет, некоторые члены меньшевистской партии допускали возможность победы мировой революции. По оценке С.В. Тютюкина, «Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и Австро-Венгрии вновь оживили надежды меньшевиков на мировую революцию и заставила их более благожелательно посмотреть и на события октября 1917 г. в России»⁴⁴.

Подобную позицию некоторые большевики оценивали как политическую победу правящей партии. Так, на упоминавшемся ранее заседании Московского совета П.Г. Смидович говорил: «Мы видим, что те, кто не верили в историческое значение нашей революции, стоят на совершенно других путях и начинают понимать бессмыслицу своей политической работы. Как меньшевики, так и многие с.-р. в этом смысле сделали свои признания»⁴⁵.

Симптоматично, что в различных частях Советской России представители левых партий стремились принять участие в праздновании годовщины революции. Корреспондент РОСТА писал в заметке, посвящённой первой октябрьской годовщине: «Освежающая атмосфера могучего праздника не могла не захватить элементы, хотя и пролетарские по своему существу, но по тем или иным причинам находящиеся под “чарами” буржуазных сирен – жёлтых социалистов всех оттенков»⁴⁶. Далее корреспондент описывал возвращение в «пролетарское лоно» «блудных сыновей революции»⁴⁷ в Воронеже и Витебске. В Воронеже на праздничном митинге выступил представитель БУНда, а в Витебске – «интеллигенция и представители профессиональных союзов»⁴⁸. Советскими агитаторами участие левых партий в празднованиях могло описываться как успех большевистской политики.

Одним из наиболее ярких случаев использования праздника левыми партиями был случай Петрозаводска⁴⁹. В соответствии с планом праздничных торжеств, с полудня до часу дня 7 ноября 1918 г. к манифестантам обращались с речами представители губернского и городского советов (по 15 минут), партий анархистов, левых эсеров и меньшевиков (по 10 минут)⁵⁰. Празднование первой годовщины Октября становилось совместной политической акцией социалистов и анархистов Петрозаводска.

Организаторы праздника предоставили оппонентам право выступить на праздничном митинге, шли в одной колонне с ними. Вероятно, это объясняется тем, что левые эсеры сыграли важную роль в революционных событиях в Олонецком крае, имели большой политический вес в регионе в 1917–1918 гг. Весьма симптоматично, что на VI Всероссийском съезде советов Петрозаводск представлял левый эсер И.П. Морозов⁵¹. В то же время корреспондент газе-

⁴⁴ Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 491.

⁴⁵ ЦГАМО, ф. 66, оп. 13, д. 32, л. 20.

⁴⁶ Советская провинция в великую годовщину // Известия Тверского губернского исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 12 ноября.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Об особенностях празднования годовщины революции в этом городе см.: Годунов К.В. Петрозаводск 7–8 ноября 1918 года: губернский центр в дни праздничных торжеств // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 97–103.

⁵⁰ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. Р-28, оп. 1, д. 21/156, л. 180–187.

⁵¹ ГА РФ, ф. 1235, оп. 5, д. 25, л. 27а.

ты «Олонецкая беднота» (издание находилось под контролем петрозаводских большевиков) писал о манифестации: «Величественное, незабываемое зрелище. Такой грандиозной манифестации не видел Петрозаводск. Все очевидцы сходятся на том, что участвовало около 15 000 человек... В этой грандиозной, затопившей улицы процессии затерялись кучки в 10 чел. левых эсеров с мальчишеским лозунгом на плакате: “Требуем свободного избрания в Советы”. Жалкие политические младенцы! Нельзя было продемонстрировать более наглядно убожество этой бывшей партии»⁵². В цифрах, приводимых корреспондентом, можно усомниться – численность населения города в 1917 г. составляла 18 596 человек⁵³, едва ли его большая часть могла присутствовать на празднике. Вероятно, явное преувеличение было допущено с тем, чтобы подчеркнуть степень поддержки местных большевиков в сравнении с «кучкой» левых эсеров.

Петрозаводские анархисты пытались использовать праздник для решения материальных проблем. Губернским исполнительным комитетом был рассмотрен запрос городской федерации анархистов о «выдаче ей ссуды в размере 2 000 р. на приобретение литературы и на устройство праздника Октябрьской революции». Просьба была частично удовлетворена: «из-за неимения свободных средств» было решено «выдать Петрозаводской группе анархистов 1 000 рублей»⁵⁴.

Вместе с тем в ходе торжеств довольно отчетливо проявилась и иная тенденция – стремление к исключению социалистов из празднования Октября. Предупреждения о том, что праздники могут быть использованы врагами революции для выступлений против большевиков, печатались в праздничных выпусках газет. Так, в обращении правящей партии «К матросам Кронштадта и Петрограда» говорилось о том, что «правые» и левые эсеры, соединившись между собою, затевают новый белогвардейский налёт». Акцент делался на том, что враги революции («предатели и провокаторы») стремятся сорвать празднование: «Господа белогвардейцы из левых и правых эсеров назначают своё “выступление” на дни великого праздника – годовщины Октябрьской рабоче-крестьянской революции. Наемники английских банкиров хотят омрачить наш великий праздник»⁵⁵.

Организаторы празднований Октября пытались помешать политическим оппонентам большевиков принять участие в торжествах. В инструкции по проведению годовщины революции в Москве говорилось: «Ораторов выставит партия; выступление других ораторов не допускается. Речи заранее за 3 дня до торжества должны быть представлены в бюро партии»⁵⁶. А. Рабинович связывает аресты представителей оппозиции в Петрограде в ночь с 4 на 5 ноября 1918 г. с усилением мер безопасности перед праздником⁵⁷.

Принципиальный характер столкновение большевиков и меньшевиков приняло в Петрограде. Поводом для конфликта стало отношение променьшевицкого союза печатников к празднованию первой годовщины Октября.

⁵² Из газетной информации о праздновании первой годовщины Октябрьской революции в Петрозаводске // Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1957. С. 492.

⁵³ Ефимова В.В. Петрозаводское городское самоуправление (1870–1918 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 180.

⁵⁴ НА РК, ф. 28, оп. 1, д. 19/141, л. 158.

⁵⁵ К матросам Кронштадта и Петрограда // Красная газета. 1918. 5 ноября.

⁵⁶ ГА РФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 225, л. 81 об.

⁵⁷ Рабинович А. Указ. соч. С. 545.

Печатники были особой группой рабочих – меньшевики доминировали в их профсоюзах и в годы Гражданской войны, борьба большевиков с их влиянием завершилась лишь к началу 1922 г.⁵⁸ На митинге печатников, организованном в предпраздничные дни, Г.Е. Зиновьев охарактеризовал политических оппонентов следующим образом: «Мы заявляем здесь, что старое правление союза – предательское, чехо-словацкое, и мы будем против него бороться». Показательно, что председатель Петроградского совета использовал и религиозную метафору: «Союз – это школа для социалистов, и мы хотим честных учеников, а не хриstopродавцев». Председатель городского совета профсоюзов Н.М. Анцелович перечислил ошибки «главарей старого правления» (отказ декретировать тарифные ставки, обвинения Совнаркома в «комиссародержавии», выступление против организации продовольственных отрядов) и заметил, что «такое правление не смеет участвовать в общих октябрьских празднествах»⁵⁹.

После выступлений видных большевиков была принята резолюция части рабочих типографий, претендовавших на роль выразителей мнения всех своих коллег: «Общее собрание печатников, собравшееся накануне великой октябрьской годовщины, приветствует решение петербургского совета профессиональных союзов о неучастии жёлтого⁶⁰, говорящего от имени всех печатников правления в октябрьских празднествах. Среди питерских пролетарских батальонов нет места в дни великого октябрьского праздника всем тем, кто до сих пор не мог и не хотел сказать, является ли пролетарский праздник и их праздником»⁶¹. 5 ноября правление союза было распущено, и началась работа по формированию параллельного, пробольшевистского союза. Комментируя это, корреспондент журнала большевистской фракции печатников писал о том, что исключение из празднования «пробило даже толстую шкуру работающих на местах, и заявления о скорейшем созидании красного союза посыпались со всех сторон»⁶². Празднование, по мнению корреспондента, стало импульсом для создания нового союза, и этот процесс был поддержан «снизу».

Исключая оппозиционный совет из празднования, лидеры петроградских большевиков стремились к укреплению влияния правящей партии среди рабочих города. Автор заметки в газете Союза печатников «Утро Москвы» писал о том, что эта акция говорит об отношении большевиков к демократии: «Нескольким тысячам организованных рабочих, в течение двух десятилетий бывших трудовым отрядом российского рабочего класса, брошено в лицо оскорбление, которое ярко характеризует режим того, что у нас называют пролетарской диктатурой»⁶³.

Во время проведения второй годовщины Октября меры безопасности были усилены. Участниками секретного заседания московской Октябрьской комис-

⁵⁸ Назаров А.И. Октябрь и книга. Создание советских издательств и формирование массового читателя. М., 1968. С. 66–72. О борьбе за влияние в союзах печатников см.: Koenker D. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930. Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 45–77.

⁵⁹ Митинг печатников – коммунистов // Год пролетарской революции. 1918. 7 ноября.

⁶⁰ Под «жёлтыми» подразумевались меньшевики.

⁶¹ Резолюция, принятая общим собранием вновь организующегося красного союза печатников // Год пролетарской революции. 1918. 7 ноября.

⁶² Уницкий А. Демагоги и недемагоги // Революционный печатник. Орган фракции печатников-коммунистов. 1918. № 5. С. 7.

⁶³ Пролетарии благонадежные и неблагонадежные // Утро Москвы. 1918. 11 ноября.

сии было принято решение «командировать 2 роты отрядов, комиссаров ВЧК и МЧК для охраны трибуны с выступающими ораторами. Возле главных лиц учредить особую охрану». Было решено «установить особый надзор, чтобы в колонны демонстрации не попали чуждые элементы». Немаловажно, что под таковыми подразумевались в том числе и представители левых партий. В частности, к участию в праздновании не был допущен даже член Московской Октябрьской комиссии, который был заподозрен в принадлежности к партии анархистов (сам он писал о себе как о бывшем члене БУНДа)⁶⁴. Подобная позиция организаторов праздника в ноябре 1919 г. объяснялась, видимо, тем, что тогда ещё продолжалось расследование взрыва, произошедшего в здании Московского комитета РКП(б) в конце сентября. Проявившееся уже на ранних этапах развития советской праздничной культуры стремление к исключению оппонентов из празднований усиливалось с эскалацией Гражданской войны.

Анализ культурного измерения межпартийных конфликтов 1918 г. позволяет сделать несколько выводов. Большевики стремились монополизировать такой важный элемент символический политики, как праздник. Вместе с тем представление о раннесоветских праздниках как об исключительно «большевистских» требует корректировки. Большевики были главными, но не единственными участниками создания советской праздничной традиции – на формирование её характерных черт оказали воздействие и позиции иных сил. Раннесоветские праздники были важным ресурсом мобилизации и использовались в политических целях не только их создателями, но и оппонентами правящей партии.

Представление о 1 Мая как о главном социалистическом празднике было важнейшей частью культуры революционного подполья. Противники большевиков не могли не использовать этот мощный ресурс лоббирования различных идей и проектов. Заявляя об искажении смысла праздника и применяя различные тактики – от бойкота до стремления принять участие в торжествах – представители левых партий стремились заявить о себе как об истинных социалистах, а большевиков представить предателями революции и рабочего класса.

Более сложным было отношение социалистов к 7 Ноября. Подчас, отрицая его праздничный характер, представители оппозиции использовали потенциал памятной даты, настаивая на том, что о революции следует вспоминать не так, как это делали большевики. В условиях формирующейся цензуры подобные попытки едва ли могли оказать решающее влияние на складывающийся миф о революции, но не оставались без внимания правящей партии и косвенно воздействовали на характер праздничных торжеств. Борьба вокруг новых праздников была немаловажным измерением политической борьбы эпохи становления нового государства.

Представление о том, каким должен быть советский праздник, основные черты его канона в годы Гражданской войны только начали складываться. В то время было положено начало долговременному и противоречивому процессу «большевизации» и ритуализации советского праздника. Воздействие организаторов торжества на его характер не следует преувеличивать и ещё по одной причине: существенное (если не решающее) влияние на формирование

⁶⁴ ЦГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 698, л. 6–6 об., 136.

церемоний оказал политический контекст — ситуация Гражданской войны. Своё отношение к революционным праздникам оппоненты большевиков формулировали в ситуации противостояния, а Первомайские торжества и годовщина Октября в 1918 г., в свою очередь, обостряли и давали новый импульс политическим конфликтам различной глубины. Политическая реальность и праздник были тесно переплетены, находились во взаимодействии. В спорах и борьбе, на пересечении нескольких политико-культурных традиций, постепенно рождался советский символический порядок.